

ЧЕРКАСЫ В КОРОЧЕ В 1630–1640-х ГОДАХ

В. М. Брезгунова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 июня 2024 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию черкасского контингента в Короче в 1630–1640-х гг. Рассматриваются вопросы размещения черкас, изменения их численности в течение этого периода и отдельные аспекты хозяйственной жизни. На основе архивных источников проведен анализ случаев бегства корочанских черкас в Речь Посполитую.

Ключевые слова: Короча, Яблонь, Белгородская черта, миграционные процессы, черкасы, XVII век.

Abstract: the article is devoted to the study of the cherkassys contingent in Russia in the 1630s–1640s. The issues of the placement of cherkassys, changes in their numbers during this period and certain aspects of economic life are considered. On the basis of archival sources, an analysis of the cases of flight of the Korocha cherkassys to the Polish-Lithuanian Commonwealth was carried out.

Key words: Korocha, Yablonov, Belgorod line, migration processes, cherkassys, XVIIth century.

Исследование отдельных категорий населения Юга России XVII в., их хозяйственной и общественной жизни вызывает в последнее время все больший интерес историков [1–3]. Продолжается и достаточно активное изучение истории строительства крепостей на Юге России, связанных с возведением главной оборонительной линии этого региона – Белгородской черты [4–6]. Среди населения приграничных городов своей спецификой выделяются служилые черкасы – выходцы из украинских земель Речи Посполитой, переселившиеся в Россию, принешие присягу и поступившие на службу русскому государю. По решению центральной администрации они размещались в разных населенных пунктах Юга России и поступали на полковую и городовую службу, подчиняясь черкасским полковникам и городовым воеводам. Одним из мест размещения пришедших в Россию черкас был входивший в состав Белгородской черты город Короча (в настоящее время город Короча, административный центр Корочанского района Белгородской области).

Вопросы расселения, служебные обязанности и хозяйственная жизнь черкас достаточно часто привлекают внимание историков в последние десятилетия [7–9]. Имеются и отдельные крупные исследовательские работы [10], но с течением времени круг источников увеличивается, что побуждает к расширению и переосмыслению многих вопросов. Эта тенденция касается и поселившихся во второй половине 1630-х гг. в Короче черкас, исследование размещения, изменений численности контингента

из-за случаев бегства в Речь Посполитую и отдельных аспектов хозяйственной жизни которых в 1630–1640-х гг. выбрано темой данной работы.

Основной источниковой базой исследования стали архивные материалы. В хранящейся в РГАДА делопроизводственной переписке воевод городов Белгородской черты можно найти большое количество документов, посвященных делам проживавших там черкас. Главная проблема такого источникового материала – его разрозненность, так как документы, посвященные одному и тому же сюжету или «делу», могут составлять всего несколько листов и находиться в разных делах и даже фондах архива. Именно поэтому для освещения какого-либо аспекта жизни черкас необходимо проводить серьезную подготовительную работу.

Город-крепость Короча был основан в 1637 г. на горе рядом с рекой Корочей в рамках масштабного строительства Белгородской черты на Изюмской сакме, ее перекрывали Короченский и Яблоновский участки [там же, с. 217]. Основателем города стал Андрей Васильевич Бутурлин, к лету 1637 г. крепость была уже построена, но в сентябре «тот город на Короче, на Красной горе, сожгли и розметали татаровя, как... приходили крымской Нурадын царевич» [11, л. 177–179]. Восстановление крепости весной 1638 г. было поручено Дмитрию Петровичу Львову.

Львов был воеводой близкого к Короче Яблонова, и в первые годы существования города именно яблоновские воеводы были более всего вовлечены в дела ближайшего населенного пункта, а следовательно, и в процессы адаптации черкас на новом месте [12]. Для конкретизации необходимо уточнить, что одними из непосредственных участников разрешения черкас-

ских проблем были Дмитрий Петрович Львов, который был воеводой в Яблонице в 1638 г., а также его родной брат Василий Петрович Львов, который занимал этот пост в 1640 г. [13, с. 279].

Восстановление сожженной татарами крепости было не единственным делом, порученным Дмитрию Львову, – именно он должен был проследить за формированием гарнизона. В конце июня 1638 г. город Короча был построен заново – с горы его перенесли непосредственно на берег реки Короча. В качестве первых жителей в город планировалось набрать 300 конных казаков, 200 стрельцов и 20 пушкарей. Свободного контингента населения в нашей стране в этот период было совсем немного. Без привлечения крестьян и донских казаков, занятых в этот период обороной Азова, задача заселения Корочи оказалась трудноразрешимой [10, с. 219]. В приграничных районах требовалось основательное военное присутствие государства, что означало непрерывное пополнение воинского состава [14, с. 61]. Поэтому переселившиеся в этом же году в Россию черкасы стали теми служилыми людьми, которые поступили на государеву службу в Короче (рисунок).

Летом 1638 г. в приграничный Белгород пришла большая группа переселенцев во главе с Яковом Остряниным, что достаточно подробно было уже изучено исследователями. «Пришли в Белгород из Литовские стороны на государево имя на вечную службу Запорожского войска гетман Яцко Остренин, а с ним полковники, и черкасы, и мещане, и пашенные люди. А по скаске гетмана Яцка Остренина черкаско-во войска будет з женами и з детьми с 3000 человек и болши. А пошли де они на государево имя на вечную службу из Литовские стороны от изгнания папезан» [15, № 178, с. 294]. В составленном там же на месте списке было обозначено 672 человека [16, с. 100]. Большая часть этой группы черкас была приведена к присяге и размещена в Чугуеве. Уверенность столичной и местной администрации в надежности Якова Острянина и его людей способствовала тому, что российские должностные лица относились к ним так же, как к другим служилым людям, а вот черкасы не всегда реагировали на действия воевод так, как остальные жители России [там же, с. 107]. Практически сразу после размещения на новом месте, в конце 1630-х – начале 1640-х гг. такие проявления своеволия черкас приведут к попыткам их бегства обратно в Речь Посполитую, что воспринималось российской администрацией как непосредственная измена присяге.

Часть пришедших с Яковом Остряниным черкас выразила желание поселиться в Короче [17, л. 411]. Поименно отследить именно этих черкас достаточно сложно, но в одном из документов 1638 г. Дмитрий Львов пишет о приходе в Корочу «из литовских роз-

ных городков» 100 человек черкас во главе с Ивашкой Олестьевым и Левкой Яковлевым со своими семьями и имуществом [18, л. 50]. Они были записаны в конную казачью службу, воевода Львов принял у них «крестное целованье» и взял поручные записи. Черкасам сразу же было выдано государево жалование «на селитбу» в размере 4 и 3 рублей «да по две чети муки ржи да по четверику круп овсяных на 10 человек для осадного сидения и для приходу донских людей». Пришедшие сразу же «на Короче поселились, избы поставили и двory совсем устроили слободами». Таким образом, в источнике обозначено стремление как центральной, так и местной администрации к организации скорейшего обустройства черкас на новом месте, а следовательно, и к началу их служебной и хозяйственной деятельности. В следующем 1639 г. яблоневский воевода Тимофей Федорович Бутурлин (занимал эту должность в 1638–1639 гг. [13, с. 279]) получил распоряжение из Москвы с черкас «нового Красного города Корочи... с судных дел и с торговых промыслов пошлин имать не велеть» [19, л. 146]. К марту 1639 г. в Короче числились на государственной службе 213 конных черкас [там же, л. 392], а в декабре 1641 г. получали жалование 367 черкас [10, с. 219]. В 1643/1644 г. в Короче числились 1 атаман, 1 есаул, 4 сотника и 403 рядовых, которым было выдано 2052 рубля жалования [20, л. 64], в среднем – по 5 рублей каждому. К 1645 г. в Короче состояли на службе 440 черкас [10, с. 223].

В источниках упоминаются разные имена корочанских черкас, по возможности мы будем уделять им внимание, так как это значительно помогает соотносить и идентифицировать различные группы переселенцев. В июле 1640 г. воеводе Василию Петровичу Львову подавали челобитную по поводу устройства церкви корочанский архангельский поп Тимофей и корочанские черкасы атамана Сеньки Десяткова [11, л. 18–19]. В это же время, в июле 1640 г., при участии воеводы Василия Львова в Короче было произведено размежевание между черкасами и русскими казаками – были определены границы пахотных земель, сенных покосов и прочих угодий. «И меж ими грани и межи учинить, чтоб впредь... черкасам от русских казаков обиды не было» [там же, л. 303]. Во время межевания были попытки ущемить черкас, русские жители стремились провести границу так, чтобы большую часть земель отделить в свою сторону, но эта попытка была замечена и пресечена [10, с. 220]. Черкасы не только обустроивали свою хозяйственно-бытовую жизнь, но и были активными участниками приграничных конфликтов, что затрагивало интересы и их семей.

В 1643 г. к государю обратились жены корочанских черкас – «Григорьева женишка Матреница да Иванова женишка Марица да Трофимова женишка

Условные обозначения:

- – крупные города Юга России
- – населенные пункты, которые участвовали в размещении и управлении черкасами
- – границы государств

Рисунок. Короча как центр размещения черкас (составлена А. Н. Кобелевым)

Аленка да Остафева женишка Саламанидица» [21, л. 241]. Их семьи серьезно пострадали после нападения неприятеля в январе 1642 г. на Яблонов и Оскольский уезд – мужья попали в плен к татарам. Некоторые из них были на службе, а «иных имали на поле», и после этого жены остались с детьми в бедственном положении. Черкасские дети, набранные на службу на места их выбывших мужей, теперь выгоняют их из домов. Поэтому женщины просят оставить им их двory, подразумевая под этим, как можно предположить, также земельные угодья, которые могли бы обеспечить им средства к существованию. Ответа правительства на эту челобитную, к сожалению, в

нашем распоряжении нет, но с высокой долей вероятности можно говорить о том, что просьба черкасских вдов была удовлетворена [22, с. 467].

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос о переходах черкас из Корочи обратно в Речь Посполитую. Как очень верно отметил А. И. Папков, порой черкасы вели себя как своевольные запорожцы, а не как служилые люди Российского царства [16, с. 107]. Такие переходы российская администрация рассматривала как прямое нарушение присяги и меры принимала соответствующие. Они заключались в преследовании и поимке беглецов, дальнейшем следствии и принятии решения по делу. Как правило, в

результате пойманные во время бегства черкасы в сопровождении приставов с семьями и имуществом ехали в Москву, после чего отправлялись на новое место жительства далеко от русско-польской границы, например, в Сибирь. Такой вариант наказания черкас ссылкой был достаточно распространен, его упоминают исследователи в разных случаях. Например, Д. С. Лисейцев пишет о 13 путивльских черкасах, которые за какое-то «воровство» отправились с семьями в сибирскую ссылку [23, с. 131]. И в 1640-х гг. черкас, предпринявших попытку побега из Чугуева в Речь Посполитую, с семьями поселили в сибирских и понизовых городах, где в дальнейшем они служили наравне с другими россиянами [7, с. 35].

Интересно отметить, что поведение корочанских черкас даже по сравнению с размещенными в других населенных пунктах переселенцами отличалось гораздо более частыми случаями бегства «в Литву». Возможно, именно таким образом влияла близость границы, которая давала возможность вернуться на прежнее место жительства в случае возникновения трений с русской администрацией [10, с. 220]. Возможно, так проявлялись проблемы адаптации переселенцев на новом месте, когда, столкнувшись с первыми хозяйственными или служебными неудачами, люди принимали решение вернуться на прежнее место жительства.

Первые случаи бегства размещенных в Короче в 1638 г. черкас в Речь Посполитую фиксируются источниками в 1639 г. А. И. Папков в своей монографии упоминает, что в июле этого года шесть черкас бежали из Корочи «в Литву», перед этим избив и ограбив своего товарища, который отказался бежать с ними [там же]. Осенью 1640 г. после досрочного получения жалования по причине участия в сопровождении русской делегации для посольского размена с крымцами, бросив свои семьи, бежали из Корочи еще девять черкас. Посланные в погоню служилые корочанские черкасы под командованием Федора Бодоуха и 70 русских казаков смогли догнать беглецов на Донце и четырех из них привели обратно. По распоряжению царя зачинщик побега, сотник Фома Евсеев был казнен, а остальных вместе с семьями и имуществом отправили сначала в столицу, а потом – в Сибирь [24, л. 182–190]. Отметим, что и далее подобных случаев было немало.

В июле 1641 г. корочанский воевода Карп Секе-рин писал воеводе Яблонову Борису Ивановичу Пушкину [13, с. 279] о том, что к нему в съезжую избу пришли с изветной челобитной корочанские черкасы сотник Федор Бодоух и десятник Василий Кирилов. Они писали жалобу на своих товарищей, «на Ивашка Хваненка да на Васку Шранка, да на Сенку Посмелка, да на Процька Еремеева, да на Сенку ж Кирилова, да на Ленку Харитонову, на Ге-

расимку Куделенка да на Яцка Цыпковского» [25, л. 23]. Сотник и десятник сообщали, что корочанские черкасы собираются сбежать «за рубеж в литовские городы», забрав с собой казенные ружья. Сразу же после извета черкас воеводы Корочи и Яблонова начали предпринимать активные действия для поимки возможных беглецов – черкас должны были задержать в Короче и сопроводить в Яблонов. Но выяснилось, что один из возможных изменников – Пронка Еремеев – отпущен был на «Волуйку для торгового промыслу» [там же, л. 24]. Яблоновский воевода Пушкин сразу же написал волуйскому воеводе Федору Голенищеву о необходимости задержания Еремеева. В Короче же велел «переимать жен и детей их... и держать за приставы». Как следует из документов, смогли задержать почти всех, сбежал только Семен Посмелко с женой и сыном [там же, л. 25]. Задержанные черкасы в Яблонове были «про измену роспрашиваны и пытаны», но никаких признаний воевода не услышал. В итоге шесть задержанных черкас – Иван Хваненко с товарищами – «з женами и з детми и со всеми животы на их лошадех» были отправлены с приставами в Москву для решения вопроса о дальнейшем переселении [там же, л. 35]. Интересно отметить, что очной ставки с доносчиками сотником Бодоухом и десятником Кириловым не проводилось, так как последние подали челобитную против этого, опасаясь, что «их убьют черкасы». Это говорит о том, что случаи бегства черкас из России в Речь Посполитую не только приводили к задержаниям, следствию и принятию различных мер со стороны центральной и местной администрации, но и обостряли отношения внутри черкасского контингента, тесным образом связанного служебными и хозяйственными узами, приводили к его расколу.

В августе 1641 г. в источниках упоминается еще один случай бегства из Корочи двенадцати черкас – шесть из них взяли с собой семьи, шесть – нет. Казаки с черкасами догнали беглецов, в итоге зачинщик Никифор Швец был повешен в полуверстве от города, а остальные отправлены в Москву для дальнейшего переселения. Интересно то, что имущество беглецов было передано участникам погони [там же, л. 39–40]. А. И. Папков отмечает, что осенью 1641 г. в Москву из Корочи отправили еще десять семей черкас, пытавшихся бежать в Речь Посполитую [10, с. 222]. Также он приводит интересный пример возвращения в начале 1642 г. беглых черкас обратно в Корочу – вернулись Матвей Стадник и Степан Кожуховский со своими семьями, а также Григорий Григорьев. Все вернувшиеся по своей воле беглецы сначала были задержаны, а затем со своими семьями и имуществом отправлены в Москву, а оттуда – в Сибирь.

Побеги черкас из Корочи, особенно активизировавшиеся в 1641 г., будут продолжаться и позднее, хоть и станут более редкими. В 1649 г. корочанский воевода Никита Доможиров в своей отписке сетовал на то, что «короченские черкасы из службы и от отцов дети многие воруют, за рубеж отъезжают» [26, л. 199–200]. Важно отметить, что побеги черкас из Корочи были достаточно частыми, но отличались сравнительно небольшим количеством беглецов, поэтому не оказывали существенного влияния на общую численность проживавших там переселенцев. Черкасский контингент в Короче был достаточно динамичен, но, несмотря на все описанные события, постепенно продолжал увеличиваться, и к 1645 г. в Короче состояли на службе 440 черкас [10, с. 223].

Подводя итоги исследования, можно сделать несколько выводов: черкасы в отстроеном заново после набега татар городе Короча были размещены в 1638 г.; центральная и местная администрация сразу же начали предпринимать меры по обеспечению черкас всем необходимым для успешного обустройства на новом месте – выделялась материальная помощь «на селитбу», распределялись земельные угодья и т. д.; практически сразу после размещения через год в источниках фиксируются первые случаи бегства черкас со своими семьями из Корочи «в Литву» и даже возвращения их обратно; с учетом того, что условия размещения черкас в Короче полностью совпадали с общим направлением политики российской администрации по отношению к переселенцам и в других населенных пунктах, главной причиной высокой степени мобильности черкаского контингента можно считать близость границы России с Речью Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев В. Н. Конфликты администраторов городов-крепостей юга России в XVII в.: поводы, механизмы разрешения / В. Н. Глазьев // История: факты и символы. – 2022. – № 2 (31). – С. 69–77.
2. Камараули Е. В. К вопросу о структуре служилого землевладения и системе землепользования в южных пограничных уездах в XVII в. / Е. В. Камараули // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2019. – № 6. – С. 597–601.
3. Ляпин Д. А. Формирование и развитие однодворческого землевладения на исторической территории Белгородской черты в XVII–XVIII вв. (на материалах Елецкого уезда) / Д. А. Ляпин // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты, Белгород, 26–28 октября 2023 г. – Белгород: Издатель Елена Сичкарева, 2023. – С. 161–164.
4. Белгородская черта: история, фортификация, люди / А. И. Папков, Н. Н. Петрухинцев, Д. А. Хитров. – Рыбинск: Медиарост, 2020. – 264 с.
5. Жигалов В. М. Эволюция укреплений Белгорода в XVII веке / В. М. Жигалов // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты, Белгород, 17–19 ноября 2022 года / редкол.: В. М. Жигалов [и др.]. – Белгород: Индивидуальный предприниматель Сичкарева Елена Викторовна, 2022. – Вып. 7. – С. 65–89.
6. Сорока В. В. История становления и развития Корочи и Корочанского уезда (XVII – середина XIX вв.) / В. В. Сорока // Анализ проблем внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения: сборник статей Международной научно-практической конференции, Омск, 7 июня 2022 г. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2022. – С. 110–112.
7. Папков А. И. Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века / А. И. Папков // История: факты и символы. – 2017. – № 4 (13). – С. 24–36.
8. Брезгунова В. М. Черкасы в Путивле и Путивльском уезде в конце 1640-х годов / В. М. Брезгунова // Власть и общество в исследованиях историков, политологов, социологов: материалы Семнадцатой Всероссийской научной конференции. Воронеж, 3 февраля 2023 г. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – С. 26–30.
9. Брезгунова В. М. Упоминания о переселенцах-черкасах в городе Рыльске в конце 1630-х – начале 1640-х гг. / В. М. Брезгунова // Власть и общество в прошлом и настоящем: материалы Шестнадцатой региональной научной конференции. Воронеж, 3 февраля 2022 г. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. – С. 13–16.
10. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века) / А. И. Папков. – Белгород: Константа, 2004. – 351 с.
11. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 131.
12. Брезгунова В. М. «Черкасское» направление деятельности воевод города-крепости Яблонов в конце 1630-х – начале 1650-х годов / В. М. Брезгунова // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Белгород: Изд-во Сичкаревой Е. В., 2021. – Вып. 5. – С. 16–20.
13. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / А. П. Барсуков. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – 611 с.
14. Камараули Е. В. «Порозжие земли» в структуре служилого землевладения на юге России в XVII веке / Е. В. Камараули // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2022. – № 3. – С. 56–62.
15. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах / под ред. П. П. Гудзенко [и др.]. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – Т. 1: 1620–1647 годы. – 585 с.

16. Папков А. И. Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России / А. И. Папков // Белоруссия и Украина. История и культура : ежегодник, 2003/2004. – М. : Наука, 2005. – С. 93–122.
17. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 105.
18. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 99.
19. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 107.
20. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 168.
21. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 158.
22. Брезгунова В. М. О материальном обеспечении вдов и детей приборных служилых людей Юга России в XVII в. / В. М. Брезгунова // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти

академика РАН Л. В. Милова : материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. – М. : Издательство Московского университета, 2019. – С. 466–470.

23. Лисейцев Д. В. Путивль после Смуты : гарнизон и бюджет пограничного города Московского государства в первой половине XVII в. / Д. В. Лисейцев // Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.) : сборник статей и материалов. – М. : Старая Басманная, 2022. – С. 121–139.

24. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 129.

25. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 154.

26. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Д. 314.

Воронежский государственный университет
Брезгунова В. М., кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политической истории
E-mail: bvm1792@mail.ru

Voronezh State University
Brezgunova V. M., Candidate of Historical Sciences, Lecturer of the Political History Department
E-mail: bvm1792@mail.ru